

Осенний дождь и холод унесли последние следы летней жары. До начала дождя во внутреннем дворе был установлен большой чан с водой; капли дождя продолжали ударяться о поверхность воды, звук непрерывного плеска доносился до ушей.

Хуа Лу прошла мимо кабинета и увидела, что окно открыто, и внутри все еще горит свет. Она подумала, что это шаоцзюнь читает в кабинете, но когда вошла, то обнаружила, что за столом, сгорбившись, сидит старший молодой мастер ее семьи.

Хуа Лу снова и снова подтверждала, что это не иллюзия. Девушка несколько раз протерла глаза и спросила: «Молодой господин, что вы делаете в кабинете?»

Молодой господин приходил в кабинет только для того, чтобы надоедать шаоцзюню. Но сейчас того здесь не было.

Лу Ваньчэн ответил так, как будто ему больше незачем жить: «Я решаю проблему».

«Решаете проблему?»

Хуа Лу наклонилась вперед и взглянула на бумагу перед господином. Там были разбросаны беспорядочные каракули, и она все равно не смогла понять их. Она протянула руку, чтобы закрыть окно, но Лу Ваньчэн остановил ее: «От всех этих мыслей у меня кружится голова, я хочу немного подышать свежим воздухом».

«Так не пойдет, молодой господин. — Хуа Лу плотно закрыла окно. — Шаоцзюнь сказал, что сейчас вы не можете подвергаться воздействию холодного ветра».

Лу Ваньчэн выронил кисть, откинулся на спинку инвалидного кресла и пробормотал: «У меня болит голова, я так устал, это так раздражает! Я больше не хочу думать».

Он уже целый час серьезно размышляет. Высокоинтенсивная умственная работа была действительно изнурительной. Это напоминает ему о тех несчастных днях, когда ему приходилось с трудом справляться с домашними заданиями, хотя ему уже надоело учиться.

Хуа Лу заботливо отложила кисть, чернила, бумагу и чернильный камень, сказав: «Если молодой хозяин устал, то просто идите спать».

Лу Ваньчэн выглянул в окно. Небо было затянуто серыми тучами, а снаружи моросил осенний дождь. Это действительно была погода, очень подходящая для сна. Он целый час усердно работал, пора бы прилечь*.

[Примечание: 躺 / tāng. 1) принять горизонтальное положение, лежать вытянувшись, лежать плашмя; 2) инт. «лежать» и перестать стремиться. Пессимизм китайской молодёжи в отношении безнадежности социальной мобильности и достижения успеха и счастья. Полагаю

он имеет в виду и то, и другое.]

Закончив мыться, Линь Цинюй только что надел внутреннюю рубашку и штаны. Он услышал, как за его спиной со скрипом открылась дверь, и ворвался влажный холодный ветер. Линь Цинюй обернулся, встретившись взглядом с вошедшим человеком, и равнодушно сказал: «Ты вернулся».

Его длинные волосы были только наполовину высушены, и они упали ему на грудь, намочив внутреннюю одежду. Чтобы удобно облегать тело, внутренняя одежда была сделана из шелка, который легко пропускал воду.

Хотя Линь Цинюй был вынужден выйти замуж, в конце концов, ему все еще было всего восемнадцать лет. Его фигура была гораздо стройнее и менее развитой, чем у взрослого мужчины лет двадцати-тридцати. Его тело, не запятнанное даже пылинкой, казалось одновременно скрытым и видимым под полупрозрачным шелком.

Лу Ваньчэн был слегка удивлен. Затем он отвернулся и сказал: «Эй, почему ты принимаешь ванну днем?»

Линь Цинюй и сам знал, что сейчас его одежда слишком легкомысленна. Сначала ему было немного не по себе, но, увидев Лу Ваньчэна еще более смущенным, он почувствовал себя немного спокойнее и спросил: «Есть ли какое-то правило резиденции Хоу, гласящее, что вы не можете мыться в течение дня?»

«Нет, но, если принимать ванну днем, легче попасться на глаза посторонним. — Лу Ваньчэн довольно самодовольно поддразнил: — Видишь? Разве я тебя не поймал? Ты злишься?»

Линь Цинюй стал спокойнее: «Я не злюсь. Мы с тобой оба мужчины и, к тому же, названные братья. Я не возражаю».

Лу Ваньчэн прикрыл грудь, воскликнув: «Если ты еще раз упомянешь слово „названные братья“, веришь или нет, но меня вырвет кровью, вот увидишь!»

Глаза Линь Цинюй вспыхнули. Учитывая нынешнее состояние Лу Ваньчэна, как только его вырвет кровью, действительно придет время готовиться к его похоронам.

«Хорошо, я не буду упоминать об этом».

У Лу Ваньчэна мгновенно появилось очень польщенное выражение лица*. Видя, что цвет его лица не слишком хорош, Линь Цинюй помог ему лечь на кровать и проверил его пульс.

[Примечание: 面红耳赤 shòu chǒng guò jīng - смущён неожиданной милостью, польщён неожиданной честью; приятно удивлен, польщен; обрадован и изумлен такой неожиданной

милостью.]

«Похоже, в последнее время ты плохо спал?»

«Разве это не кашель виноват? Было бы странно, если бы я мог хорошо спать».

Линь Цинъюй видел его насквозь, но не разоблачал, просто сказал: «Люди, которые долгое время болели, должны избегать серьезных волнений. Ваньчэн, что бы это ни было, ты должен расслабиться и не волноваться».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Я буду стараться изо всех сил».

После осеннего дождя небо стало ясным и ярким. Состояние Лу Ваньчэна также немного улучшилось. Семья из ветви клана Лу, пробыв в резиденции Наньань Хоу чуть меньше половины месяца, наконец-то уезжала. Лу Байшуо специально пришел в Павильон Голубого Ветра, чтобы попрощаться с ними обоими, сказав, что завтра они уезжают в Линань.

Лу Байшуо был очень взволнован. Когда он приезжал в резиденцию Наньань Хоу в прошлом году, Лу Ваньчэн не был так болен. Время от времени его приглашали куда-нибудь сходить и повеселиться вместе. По случаю его расставания Лу Ваньчэн даже угостил его в самом известном ресторане столицы Цзиньсю Сюане.

[Примечание: Если буквально, то это переводится как «Прекрасный домик». 美屋 / jǐnxīù. Блестящий, сверкающий; прекрасный; изящный; славный. 屋 / xiān - домик, используется в названиях студий, чайных, ресторанов.]

Цзиньсю Сюань был рестораном на берегу реки. Их фирменное блюдо «Хунь Ян Мо Ху» поразило впервые приехавшего в столицу Лу Байшуо. Вернувшись в Линань, Лу Байшуо повсюду искал северных поваров, пытаясь воссоздать тот «Хунь Ян Мо Ху»*. Тем не менее, вкус всегда немного не дотягивал до того самого.

[Примечание: Знаменитое дворцовое блюдо, которое распространилось от династии Суй до династии Тан. Особый метод состоит в том, чтобы одновременно пустить кровь овце и гусю, сначала набить гусяное брюхо клейким рисом и множеством специй, затем засунуть гуся в брюхо овцы, потом поджарить овцу на огне, и, наконец, когда баранина приготовлена, гуся в овечьем брюхе можно вынуть для употребления.]

Лу Ваньчэн рассмеялся, услышав это.

«Шестой брат с таким же успехом мог бы написать на своем лице: „Быстро пригласи меня в Цзиньсю Сюань“».

Лу Байшуо смущенно сказал: «Не преувеличивай, я сказал это просто между делом. Но, по правде говоря, вчера я действительно ходил в Цзиньсю Сюань. Однако мальчик-слуга сказал мне, что все отдельные комнаты заняты на следующие три дня. Увы, как и следовало ожидать от столицы. Мне следовало пойти раньше».

Линь Цинюй спросил: «Вы сказали, что являетесь гостем резиденции Наньань Хоу?»

«Нет, — удивленно сказал Лу Байшуо. — Я хотел просто поесть, для этого обязательно представляться?»

Линь Цинюй сказал: «В столице повсюду есть влиятельные чиновники. Превозносить тех, кто выше, и топтать тех, кто ниже, — обычное дело, особенно в таких местах, как Цзиньсю Сюань, где собираются знатные люди и высокопоставленные чиновники. Если вы действительно хотите пойти, то можете попросить молодого мастера Хоу составить вам компанию».

Лу Байшуо выжидающе посмотрел на Лу Ваньчэна.

«Это нормально? Состояние Ваньчэна...»

Линь Цинюй сказал: «За ним просто нужно внимательно присматривать».

В последнее время Лу Ваньчэна явно одолевали тяжелые мысли, что не способствовало восстановлению сил. Выйти и немного отдохнуть было хорошей идеей.

Более того, если бы Лу Ваньчэн не вышел сейчас... Возможно, у него не будет другого шанса выйти и развлечься.

Лу Ваньчэн немного подумал, затем с улыбкой спросил: «Цинюй, у нас никогда не было возможности вместе выйти на прогулку, верно?»

Линь Цинюй кивнул. С момента их свадьбы он только дважды выходил с Лу Ваньчэном. Один раз, чтобы вернуться в резиденцию Линь, а другой — в храм Чаншэн. Оба раза они ехали в экипаже, чтобы добраться до места. Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз видел процветание столицы.

«Давай вместе сходим в Цзиньсю Сюань и поужинаем? Пока мы будем там, я закажу „Хунь Ян Мо Ху“ с собой, чтобы по возвращении передать его шестому брату».

«Хорошо».

Лу Байшуо поблагодарил их обоих, но его не покидало чувство, что что-то было не совсем правильно.

Линь Цинюй вытолкнул кресло с Лу Ваньчэном за ворота резиденции. Также он взял с собой Хуань Туна и нескольких охранников из резиденции Хоу. У входа на улицу Юнсин Линь Цинюй остановил экипаж.

«Здесь недалеко до Цзиньсю Сюаня, давай пройдем остаток пути пешком».

Лу Ваньчэн сказал: «Но ходить слишком утомительно».

Линь Цинюй потерял дар речи: «...Думаешь, мы позволим тебе идти пешком?»

«Ну, я просто беспокоюсь, что ты можешь устать катить меня?»

Линь Цинюй сделал паузу и сказал: «Мне не трудно».

Какими бы ни были трудности, это продлится всего два-три месяца.

Лу Ваньчэн тихо рассмеялся и сказал: «Цинюй, в последнее время ты был таким нежным. Я к такому не привык».

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Я не привык к тому, что в последнее время ты слишком молчалив».

Лу Ваньчэн некоторое время молчал, затем улыбнулся и сказал: «Я был таким в последнее время?»

Линь Цинюй отказался отвечать и толкнул кресло Лу Ваньчэна в толпу.

В это время было еще рано ужинать. Все магазины вывесили свои вывески высоко перед дверью. Разносчики лотков кричали, перебивая друг друга. Проходившие мимо люди были не только обычными людьми, но и многие были хорошо одеты, что выдавало их принадлежность к богатым семьям. Любой, кто видел красивого юношу, подобного бессмертному, толкающего инвалидное кресло благородного сына по улице, поворачивал голову, чтобы еще раз взглянуть.

К счастью, они оба привыкли быть в центре внимания людей и не придавали этому большого значения. Хуань Тун глубоко вдохнул и сказал: «Молодой мастер, вы чувствуете запах жареных каштанов?»

Линь Цинюй сказал: «Если хочешь, иди и купи немного».

Хуань Тун радостно сказал: «Я быстро!»

Лу Ваньчэн тоже принялся: «Почему я не чувствую запаха?»

У тяжелобольных людей обычно притуплялись пять чувств. Линь Циньюй поколебался мгновение и сказал: «Давай пойдём туда и посмотрим».

Двое молодых людей подошли и встали перед прилавком. Продавец продавал всевозможные украшения. Хотя материалы были дешевыми, их стили были элегантными и разнообразными. Было много оригинальных и необычных работ. Среди них были нефритовые короны и заколки для волос, которыми мужчины завязывают волосы. Лу Ваньчэн подумал, что Линь Циньюй хочет купить несколько нефритовых корон, поэтому он осторожно помог ему выбрать две. Линь Циньюй проигнорировал его и взял женский буяо. Он взвесил украшение, а затем заплатил за него.

[Примечание: 步摇 / bù yáo - жемчужные (яшмовые) подвески женского головного убора, раскачивающиеся при ходьбе, дин. Хань. Старинное женское украшение. Он сделан из золотого шелка, согнутого и скрученного в форме цветочной ветки, украшен висячими бусинами и вставлен под булочку. Во время ходьбы подвижные элементы украшения слегка раскачиваются, оттого и название такое: «步» (бу) — «шаг» и «摇» (яо) — «качать» = «качается от шага».]

Лу Ваньчэн спросил: «Ты собираешься отдать его моей теще?»

«Нет, это для тебя».

«Для меня?»

«Буяо примерно такой же длины как кисть. В будущем, всякий раз, когда ты захочешь поиграть с кистью, просто играй с ним. Я не хочу, чтобы меня разбудили посреди ночи, и мне пришлось переодеваться».

Лу Ваньчэн с улыбкой взял буяо и действительно покрутил его в руке. Он поддразнил: «Каким бы нежным ни был лекарь Линь, он все еще так ясно помнит о том, что нужно отомстить».

Пока они шли, то, наконец, оказались у Цзиньсю Сюаня. Узнав, что это были молодой мастер и шаоцзюнь из резиденции Наньань Хоу, владелец ресторана больше ничего не сказал и немедленно приказал кому-нибудь отвести их в отдельную комнату.

У Цзиньсю Сюаня было два этажа, и лучшее место было у окон на втором этаже. Выглянув наружу, вам открывался вид на реку, а заглянув внутрь, вы могли видеть сцену. На сцене несколько артистов играли на цитре, развлекавая посетителей музыкой. Звук цитры был чистым и мелодичным, глубоким и хорошо слышным из любого места. Женщины, игравшие на цитре, также были элегантны и красивы, очаровательны и грациозны.

Услышав музыку, Хуань Тун очень обрадовался, а увидев девушек, еще больше воодушевился. Он спросил Линь Цинюя: «Молодой мастер, как вы думаете, кто выглядит лучше, девушка в голубом или та, что в розовом?»

Лу Ваньчэн подумал, что Линь Цинюй не ответит на такой бессмысленный вопрос, но тот сказал: «Они обе хорошо выглядят».

Лу Ваньчэн: «...»

Видя, что на лице Лу Ваньчэна появилось несколько сложное выражение, Линь Цинюй спросил: «В чем дело?»

Лу Ваньчэн тихо сказал: «Ах, ничего. Я почти забыл, что тебе нравятся женщины».

Линь Цинюй сказал: «Какое это имеет отношение к симпатии к мужчинам или женщинам? Все способны ценить и наслаждаться красивыми вещами».

Лу Ваньчэн поднял брови и предложил: «Тогда давайте подойдем поближе, чтобы полюбоваться ими вблизи?»

«Хорошо».

Линь Цинюй это не интересовало, но Лу Ваньчэн хотел посмотреть, поэтому у него не было возражений. Он вытолкнул Лу Ваньчэна из отдельной комнаты, и они остановились у перил.

Пока Линь Цинюй стоял там, гости на втором этаже перестали слушать; они также отвлеклись от восхищения красавицами внизу. Один за другим они все повернулись, чтобы посмотреть на прекрасного юношу. К счастью, все они знали, что все гости на втором этаже были богатыми и уважаемыми людьми, и поэтому не осмеливались смотреть слишком откровенно. Напротив них двоих, на небольшом расстоянии сидел мужчина в черно-красном одеянии. Линь Цинюй встретился с ним взглядом, и выражение его глаз мгновенно стало яростным.

Лу Ваньчэн проследил за его взглядом и спросил: «Кто это?»

«Наследный принц».

Ленивые глаза Лу Ваньчэна внезапно открылись.

Наследного принца звали Сяо Чэн, и он был старшим сыном императора. Как и у Наньань Хоу, судьба императора относительно сыновей была слабой. Даже имея гарем, который исчислялся тысячами, лишь несколько принцев благополучно выросли. Когда наконец, после долгих трудностей, императрица забеременела и должна была родить маленького сына, кто мог

ожидать, что она родит глупого* ребенка? Однако, как бы мало принцев ни было, борьбы за трон избежать невозможно. В течение многих лет Сяо Чэн и его мать-наложница строили заговоры и, наконец, стали самым крупным победителем и три года назад вошли в Восточный дворец**.

[Примечание: *Умственно отсталый/возможно, слегка аутичный ребенок.

**т.е..они обеспечили Сяо Чэну положение наследного принца.]

Сяо Чэн беззастенчиво посмотрел на Линь Циньюй, уголки его губ приподнялись, демонстрируя большой интерес. Глядя на Линь Циньюй, он сделал глоток из своей чаши с вином, а затем позвал императорского телохранителя и дал ему указания.

Линь Циньюй отвел взгляд и сказал: «Давайте вернемся».

Лу Ваньчэн сказал: «Не спеши, мы просто спокойно наблюдаем за его спектаклем».

Телохранитель держал чашу с вином, из которой только что отпил Сяо Чэн. Он сделал полкруга и подошел к ним, сказав: «Приветствую молодого мастера Хоу, Линь шаоцзюня. Эту чашу вина преподносит шаоцзюню Его высочество наследный принц. Он надеется, что шаоцзюнь не откажет в любезности принять».

Линь Циньюй взглянул на чашу с вином, чувствуя только, что она пачкает ему глаза.

«Мне нет необходимости принимать это. Я не пью».

Выражение лица телохранителя изменилось, и он сказал: «Линь шаоцзюнь, при всем уважении, вы понимаете, чье вино отвергаете?»

«Естественно. Это вино наследного принца. — Лу Ваньчэн пробормотал: — Или, может быть, это было вино богов?»

Выражение лица телохранителя стало еще более уродливым.

«Неужели молодой мастер Хоу и шаоцзюнь действительно хотят отвергнуть доброту Его высочества?»

Лу Ваньчэн рассмеялся, и его смех был пугающим.

«Возвращайся и скажи наследному принцу, просто скажи ему - прошло три года с тех пор, как принцесса Цзинчунь вышла замуж и отправилась на Север».

Принцесса Цзинчунь?

Линь Цинъюй вспомнил это имя. Принцесса Цзинчунь изначально была служанкой в бюро Шаньи. Из-за ее красоты и очарования, ее ярких манящих глаз и добрых манер к ней благоволил король Севера, который приехал издалека три года назад. Король Севера с первого взгляда влюбился в Цзинчунь и сразу же попросил императора разрешить ей выйти за него замуж.

[Примечание: Один из 6 бюро Шан, отвечающих за управление гаремом и дворцом; Шаньи отвечал за преподавание этикета. Его чиновники считались исключительными, поскольку они олицетворяли изящество гарема.]

Народ северной территории был пограничным племенем, и в течение многих лет у них были постоянные споры с нынешней династией. Чтобы стабилизировать границу, император лично даровал брак, назначил Цзинчунь принцессой и сговорил ее с королем Севера. Он даже попросил наследного принца руководить церемонией бракосочетания этих двоих, чтобы показать свою искренность.

...Почему Лу Ваньчэн упомянул этого человека в присутствии наследного принца?

Телохранитель был вынужден вернуться и передать сообщение. Услышав его, Сяо Чэн внезапно поднял голову и пристально посмотрел на лицо Лу Ваньчэна, как будто в нем мог найти какую-то подсказку. Но сколько бы ни смотрел, он видел только болезненного и бесполезного юношу с улыбкой в уголках губ.

Их группа вернулась в отдельную комнату, где Хуань Тун очень взволнованно сказал: «Молодой господин Хоу, молодой господин, это был наследный принц... будущий император. Если мы его так обидим, он в будущем отрубит нам головы?»

Лу Ваньчэн сказал, чтобы намеренно напугать его: «Вполне возможно. Но к тому времени я уже давно буду под землей, и он не сможет отрубить мне голову».

Хуань Тун был готов заплакать от страха, причитая: «Молодой мастер Хоу...»

Линь Цинъюй вдруг сказал: «Это правда. Так что тебе не следует беспокоиться об этом».

Лу Ваньчэн на мгновение замолчал, а затем лениво сказал: «Хорошо, я послушаю лекаря Линь».

После этого инцидента у них двоих больше не было настроения развлекаться. Они быстро поужинали и вернулись в резиденцию с заказанным «Хунь Ян Мо Ху».

Пробыв вне дома полдня, Лу Ваньчэн уже был измотан. Умывшись, он лег на кровать

отдохнуть.

Было еще рано, и Линь Цинью совсем не хотелось спать, поэтому он направился в кабинет. В последнее время он очень заинтересовался ароматами и пытался воссоздать аромат благовоний, который он почувствовал во дворце Фэньи в тот день.

Внезапно на улице начался дождь. Среди туманного вечернего дождя Линь Цинью внезапно заметил фигуру за окном.

Он открыл окно только для того, чтобы увидеть Лу Ваньчэна, накинувшего плащ на плечи и держащегося за край окна. Его длинные волосы были растрепаны, и он задыхался, как будто ему потребовались все его силы, чтобы пройти весь путь из спальни сюда.

Линь Цинью ошеломленно спросил: «Почему ты..? Где слуги?»

Лу Ваньчэн ответил невпопад: «Я не могу это принять».

«Что?»

«Я могу выбрать не заботиться о других вещах, и мне самому не хочется беспокоиться о них. Но этот вопрос, я не могу просто оставить его. — Лу Ваньчэн посмотрел на него и торжественно сказал: — Ты родился, чтобы подняться высоко как гора. Даже если ты продолжишь совершать злые поступки, я никогда не позволю тебе превратиться в ничто».

Глаза Линь Цинью широко раскрылись.

Холодный воздух проник в его тело, и Лу Ваньчэна охватил душераздирающий приступ кашля. Как будто больше не мог стоять, он медленно соскользнул по стене. Линь Цинью быстро вышел из кабинета и заслонил его своим телом от ветра и дождя.

«Перестань болтать и сначала зайди в комнату».

Лу Ваньчэн схватил его за руки и тихо пробормотал: «Вот почему я должен найти лучшее решение, которое решит эту проблему раз и навсегда».

Линь Цинью замолчал. Он никогда раньше не видел такого Лу Ваньчэна – тот выглядел так, будто был связан кандалами, от которых не мог освободиться. Он совсем не походил на того молодого человека, который в тот день неторопливо насвистывал на крыльце.

Он всегда презирал Лу Ваньчэна за то, что тот был слишком ленив, слишком беззаботен, чтобы заботиться о чем-либо. Но теперь, он надеялся, что Лу Ваньчэн сможет провести то небольшое оставшееся у него время так же просто и бездумно, как и раньше.

Неизвестно сколько времени прошло, но хватка Лу Ваньчэна внезапно усилилась, нарушив тишину, он сказал: «Цинюй».

Линь Цинюй: «Я здесь».

«Я думаю... — Темнота сверкнула в глазах Лу Ваньчэна, острых и глубоких, но в конце концов, он был болен, и его лицо оставалось бледным, изо рта пахло кровью, а губы были алыми как кровь. — ...Я хочу жизнь Сяо Чэна».

В груди Линь Цинюй стало немного жарко. Он взял слегка дрожащее запястье Лу Ваньчэна левой рукой и тепло сказал: «Хорошо, тебе нужна помощь?»

Переводчику есть что сказать:

ессо: Вот и начинается их борьба с главным героем этого романа. Полагаю, все догадались, что герой – это наследный принц?

<http://bllate.org/book/15122/1336645>